

**Текстологический анализ рассказа Е. Д. Айпина
«Осень в Твоём городе»**

В. Л. Сязи

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
syaziviktorya@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Предметом исследования являются текстологические особенности произведения, представленного в разных изданиях.

Цель: выявить разночтения в двух изданиях текста рассказа Е. Д. Айпина «Осень в Твоём городе».

Материалы исследования: рассказ Е. Д. Айпина «Осень в Твоём городе», опубликованный в сборниках «Клят-вопругеступник» (1993) и «Река-в-Январе» (2007).

Результаты и научная новизна. Исследование является первым опытом обращения к текстологии произведения хантыйского писателя Е. Айпина, внимание сосредоточено на выявлении разночтений в каждом источнике и причинах их изменений. Изучение преобразований в тексте рассказа Е. Д. Айпина «Осень в Твоём городе» даёт возможность дальнейшей интерпретации содержания и формы повествования. Текстологический анализ показал, что переиздание рассказа «Осень в Твоём городе» в сборнике «Река-в-Январе» имеет принципиальные отличия от первого варианта текста, напечатанного в сборнике «Клятвопругеступник». В позднем варианте текста лирический герой более открыт и откровенен. Образ возлюбленной стал более конкретным, есть упоминания о чувствах героини, что отсутствовало в раннем варианте текста. Текстологический анализ позволил наблюдать движение авторской мысли, длительную работу над словом и идейным содержанием произведения.

Ключевые слова: хантыйская литература, лирическая проза, Е. Д. Айпин, текстологический анализ, рассказ.

Благодарности: автор статьи выражает благодарность рецензентам.

Для цитирования: Сязи В. Л. Текстологический анализ рассказа Е. Д. Айпина «Осень в Твоём городе» // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 698–706.

Textological analysis of the story “The Autumn in Your City” by Ye. D. Aypin

V. L. Syazi

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
syaziviktorya@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the subject of the study is the textological features of the work presented in various publications.

Objective: to reveal different interpretations in two editions of the text of the story by Ye. D. Aypin «The Autumn in Your City».

Research materials: the story by Ye. D. Aypin «The Autumn in Your City» published in the collections «The Oathbreaker» (1993) and «The River-in-January» (2007).

Results and novelty of the research: the study is the first experience of referring to the textology of the work by the Khanty writer Ye. Aypin. Attention is focused on identification of different interpretations in each source and the reasons for their changes. The study of transformations of the text in the story by Ye. D. Aypin «The Autumn in Your City» provides an opportunity for the further interpretation of the content and form of the narrative. Textological analysis has shown that the republication of the story «The Autumn in Your City» in the collection «The River-in-January» has fundamental differences from the first version of the text printed in the collection «The Oathbreaker». In the later version of the text, the lyrical hero is more open and frank. The image of the beloved has become more specific, there are references to the feelings of the heroine, which was absent in the early version of the text. Textological analysis allowed us to observe the movement of the author's thought, long-term work on the word and the ideological content.

Key words: Khanty literature, lyrical prose, Ye. D. Aypin, textological analysis, story.

Acknowledgements: the author of the article expresses gratitude to the reviewers.

For citation: Syazi V. L. Textological analysis of the story «The Autumn in Your City» by Ye. D. Aypin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 698–706.

Введение

Текстологический анализ предполагает использование сравнительно-исторического метода изучения источников. «Этот метод требует, во-первых, изучать текст не изолировано в каждом отдельном источнике, а только в сопоставлении текстов разных источников друг с другом и, во-вторых, сопоставлять тексты между собой не произвольно, а только в строгой хронологической последовательности их создания. Такой метод исследования не только характеризует состояние текста в каждом отдельном источнике, но и даёт возможность, выявив разночтения между ними, отражающие постепенное становление текста, понять движение авторской мысли от замысла к его воплощению» [8, 104].

Текстология – одна из важных отраслей литературоведения. Вопросы текстологии освещали в своих работах Б. В. Томашевский [18], С. М. Бонди [5], Г. О. Винокур [6], Ю. С. Корсакова [8], Д. С. Лихачёв [11; 12], Е. И. Прохоров [15], С. А. Рейсер [16], С. П. Омилянчук [13] и др. Существует коллективный сборник «Основы текстологии» [14].

В обско-угорской литературе текстологический анализ произведений не практикуется. В статье впервые предпринята попытка проследить историю текста рассказа Е. Д. Айпина «Осень в Твоём городе» на материале двух изданий.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил рассказ «Осень в Твоём городе», опубликованный в сборнике Е. Д. Айпина «Клятвопреступник» 1993 года издания, и вариант этого же рассказа, напечатанный в сборнике «Река-в-Январе» 2007 года.

В основе исследования лежат сравнительно-исторический, структурно-семантический, историко-культурный, статистический методы.

Результаты

Произведения Еремея Даниловича Айпина известны широкому кругу читателей. Его творчество не одно десятилетие привлекает внимание отечественных и зарубежных учёных, критиков. Отдельные аспекты творчества Е. Д. Айпина освещены в следующих монографиях: «Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология» [7], «Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код» [9], «Художественная концепция любви в прозе Е. Д. Айпина» [17], концептуальное осмысление темы любви в хантыйской литературе отражено в работах Е. В. Косинцевой [10].

Творчество художника слова представлено различными жанрами, а именно: романом, повестью, рассказами, эссе, пьесой, штрихами, путевыми заметками. Произведения хантыйского прозаика широко известны за пределами России, большинство творений автора переведены на многие языки европейских стран [21; 22; 23; 24; 25].

Е. Д. Айпин единственный в хантыйской художественной словесности обратился к созданию лирической прозы. На сегодняшний день им создано более десяти лирических текстов. Рассказ «Осень в Твоём городе» является одним из первых опытов прозаика в подобном направлении. Ранее никто из хантыйских писателей не писал так трепетно и нежно о чувстве любви мужчины к женщине. До этого рассказа тема любви была представлена в произведениях художника слова эпизодически, в качестве сопутствующего мотива. Рассказ «Осень в Твоём городе», созданный 27 января 1993 г., стал новой вехой развития хантыйской литературы. Он являет собой один из лучших примеров лирической прозы не только творчества Е. Д. Айпина, но и всей хантыйской литературы.

Впервые рассказ «Осень в Твоём городе» увидел свет на страницах сборника Е. Д. Айпина «Клятвопреступник» 1993 г. По отметкам типографии в конце издания: «Сдано в набор 02.04.1993. Подписано в печать 07.05.1993» [1, 431], предполагаем, что с момента создания до публикации прошло 3 месяца и 10 дней.

Позднее рассказ был включён в сборник «Река-в-Январе» (2007), а также в четырёхтомное издание сочинений Е. Д. Айпина (2014) в том 3 «Река-в-Январе», в пятитомное собрание сочинений прозаика (2020) – в том 5 «Осень в Твоём городе». Не случайно, что в последнем собрании сочинений пятый том назван «Осень в Твоём городе»: это свидетельствует о важном значении произведения в творчестве писателя.

В настоящей статье проанализируем текстологические трансформации первого издания текста 1993 г. и рассказа, опубликованного в 2007 г. В последующих сборниках [3; 4] Е. Д. Айпина произведение «Осень в Твоём городе» будет публиковаться в дополненном и расширенном варианте, который впервые встречается в сборнике «Река-в-Январе». Публикации разделяют 14 лет. Тексты отличаются объёмом, семантическим наполнением, идейным своеобразием, стилистикой и пунктуацией.

Благодаря переизданию представляется возможность проследить историю развития рассказа, движение авторской мысли. Сопоставительный

анализ художественного текста даёт представление о генезисе лирического произведения писателя.

В первую очередь тексты отличаются объёмом, что видно при первом знакомстве с произведением. Первый вариант состоит из 6737 знаков, второй – 11740 знаков. В раннем варианте произведения сразу после названия присутствует подзаголовок «Осенняя грусть». Данная помета предполагает указание жанра произведения, однако, применительно к анализируемому тексту, позволим себе предположить, что автор обозначил настроение лирического героя.

В позднем варианте после названия рассказа присутствуют буквы «М.П.» [2, 11], возможно, это инициалы той, о ком это произведение. В обоих вариантах указано место и дата создания произведения – г. Барвиха, 27 января 1993 г.

Рассказ представляет собой воспоминание мужчины, повествование ведётся от первого лица. В тексте отсутствуют названия улиц, достопримечательности очерчены схематично, название города не обозначено. Автор не наделяет героев именами, портрет не создаёт. Присутствуют лишь местоимения «Ты» и «я», указывающие на камерность и интимность происходящего.

Оба текста начинаются с риторического вопроса: «Ты помнишь ли ту Осень?» [1, 168], выделенного абзачным отступом. С первого предложения автор создаёт пространство двух героев. Следующие два абзаца состоят из одного и двух предложений. В четвёртом абзаце вновь встречается вопросительное предложение: «Помнишь ли тот Снег?» [1, 168]. Интересно, что автор выделяет слово «Снег» написанием с заглавной буквы, будто привлекает внимание читателя. Снег здесь является символом любви. Именно в период поздней осени герои испытывают прекрасные чувства. «Падал снег. Снег падал огромными хлопьями, закрывающими все небо» [1, 168], чувства героя подобны снегу – свежи, новы, чисты. О том, что любовь героев была взаимной, можно предположить по строкам:

«Мы шли в снегу.

Мы шли в снегу под ударами ветра в спину» [1, 168].

Одновременно образ снега несёт и другой смысл – неизбежное расставание героев, строки «Падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами» [2, 28] подтверждают это. Отсюда и сравнение героини со снежинкой: «Ведь Ты и сама была легка и хрупка, как падающая с неба снежинка» [2, 27].

Пять абзацев от начала текста, состоят из одного предложения, за исключением третьего. Подобная форма повествования призвана подчеркнуть значимость происходящего в художественном пространстве. Разночтения в текстах встречаются с пятого абзаца. Поздний вариант текста дополнен уточняющим предложением: «И мы пошли на реку. *Точнее, на набережную Твоей реки (здесь и далее по тексту курсив мой – В.С.)*» [2, 11]. Указание места действия свидетельствует о намерении героя зафиксировать пространство возлюбленной и одновременно очертить пространство влюблённых героев. Обращение автора к созданию образа реки свидетельствует о намерении героя идти с избранницей по жизни вместе, одновременно это символизирует гармонию, существующую между персонажами. В этом же предложении писатель маркирует лично-притяжательное местоимение, которым обозначает героиню написанием с прописной буквы. Эта особенность прослеживается только в позднем варианте рассказа, в раннем – автор выделяет только личное местоимение, которым обозначает её. Этот приём довольно часто использует в своих произведениях Е. Д. Айпин. К примеру, слова «Мама», «Бабушка», «Крестный» автор пишет с заглавной буквы в повести «У гаснущего очага».

Седьмой абзац различен в двух вариантах произведения. В раннем читаем: «На реке стояли на якорях корабли с торчащими стволами пушек» [1, 168–169], в позднем: «На реке стояли на якорях корабли с *грозно* торчащими стволами пушек» [2, 11]. Наречие *грозно* значительно влияет на семантику текста. В раннем варианте герой воспринимает корабли с пушками как средство защиты от нападения противников, а в позднем корабль с грозно торчащими стволами уже выглядит устрашающе. Эту мысль автор детально разворачивает в следующем абзаце произведения. Стоит обратить внимание на оттенок, который высвечивается при сопоставлении тестов. Так, в раннем рассказе читаем: «В то время я ещё не понимал, что любой корабль – это смерть. *Смерть* всем нам или нам же подобным на других континентах» [1, 169]. В позднем варианте первое предложение остаётся неизменным, во втором – слово «смерть», заменено на «погибель». В словаре В. Даля смерть трактуется как конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего [17], значение слова «погибель» в этом словаре отсутствует. В словаре С. Ожегова слово «гибель» трактуется – уничтожение, разрушение, смерть

(от катастрофы, стихийного бедствия, насилия) [18]. Синонимичной заменой автор обращает внимание читателя на двойную функцию военной техники – защитить своих и уничтожить чужих. В позднем варианте текста, повествователь акцентирует внимание на уничтожении жизни на других континентах, а не на отражении атаки извне. Последний вариант произведения свидетельствует о глубинном и осознанном понимании действительности.

В девятом абзаце второе предложение расширено: окружающие, за которыми наблюдает лирический герой, приобретают отчётливость. В раннем варианте: «Люди в чёрном сновали туда-сюда» [1, 169], в позднем читаем: «*Матросы в чёрных бушлатах, подобно муравьям, сновали по палубам*» [2, 11]. В позднем варианте текста не просто люди в чёрном, а уже матросы в чёрных бушлатах. Автор намеренно укрупняет задний план, тем самым он противопоставляет атмосферу городской спешки и контрастирующее с ней состояние влюблённой пары.

Принципиальные отличия встречаются в десятом абзаце текстов. В раннем варианте абзац состоит из 21 предложения, в позднем он разбит на три самостоятельных абзаца и состоит уже из 22 предложений. Различия касаются формы изложения текста, пунктуации, семантики, стилистики. В раннем рассказе читаем: «Мы шли в снегу. Шли под ударами ветра в спину» [1, 168], в позднем:

«Мы шли в снегу.

Мы шли в снегу под ударами ветра в спину» [2, 11]. Разбивая строки на дополнительные абзацы, автор расставляет акценты в тексте, анафора фиксирует внимание читателя на единении влюблённых героев. В позднем варианте автор значительно чаще использует наречия, уточняющие образ действий, по сравнению с ранним рассказом: «Мы шли. Я молчал» [1, 169], в позднем «Мы шли *медленно, не спеша*. Я шёл и молчал» [2, 12]. Автор вводит подобные наречия, словно пытается затормозить движение времени, растянуть совместное пребывание героев. Значимое внимание при описании ощущений героя автор уделяет голосу героини в обоих вариантах текста. Но в более позднем варианте появляется новая коннотация голоса героини. Автор меняет эпитет «удивительный» на «изумительный». В толковом словаре живого великорусского языка слово удивлять трактуется как удивить кого, дивить, изумлять; являться или казаться странным, чудным, необычайным, неожиданным [19]. Слово

изумлять в этом же словаре трактуется как изумить кого, чем; сводить с ума, лишать рассудка [19]. Замена эпитета помогла передать автору состояние влюбленности героя, голос возлюбленной не просто удивлял мужчину, а сводил его с ума. Принципиально разнятся строки, которые характеризуют голос героини. В раннем тексте читаем: «Ты говорила. Ты *рассказывала* мне о своём городе. Ты говорила с любовью. С любовью к своему городу, где на каждом шагу *какая-нибудь достопримечательность*» [1, 169]; в позднем рассказе: «Ты *сказывала* мне *сагу* о своём городе. Сказывала с любовью. С любовью к своему городу, где на каждом шагу *возникало чудо*» [2, 11–12]. Поздний вариант текста более поэтизирован, возвышен. Героиня не рассказывает, а рассказывает историческое прошлое своего города, которое очень хорошо знает. Автор придаёт голосу возлюбленной мелодичность, напевность, тягучесть. Городское пространство в позднем варианте текста обладает волшебством.

Слуховое восприятие лирического героя в позднем варианте текста обостряется, чувства героя подчёркнуто выделены подхватом «Я слушал. *Слушал ревниво*. Я ревновал Тебя к Твоему городу. *И, ревнуя, наслаждался* Твоим изумительным голосом» [2, 12]. В позднем варианте текста прослеживается новое предложение, которое фиксирует ощущения героя при восприятии голоса возлюбленной: «Кажется, помню все, что Ты мне говорила. *Но неожиданно и ненадолго я куда-то исчезал*. Проваливался невесть куда. Вернее всего, попадал в неземное пространство» [2, 12]. Описывая состояние влюблённого героя, автор акцентирует внимание читателя на способность голоса героини влиять на мужчину.

В позднем варианте текста присутствуют новые абзацы, посвящённые чувствам героя, свидетельствующие о новом прочтении лирического произведения. Так, автор расширил понимание чувства счастья, испытываемое героем: «Я был *счастлив*. *И казалось мне, этим ощущением счастья было заполнено все вокруг нас. И падающие снега, и холодные воды. И чёрное железо мостов, и тусклый гранит набережных, и строгая бронза памятников, и ягельно-зеленоватая медь церквей и храмов, и буропесчаные стены домов. И сумрачное небо, и мокрая земля. Да, я был счастлив. Но я сразу уловил необыкновенную хрупкость этого мгновения счастья. Все было неустойчивым и зыбким, как наступающий осенний день. День короткий, призрачный,*

почти неуловимый. Ведь Ты и сама была легка и хрупка, как падающая с неба снежинка. А снежинка неслышно садилась на руку – и в следующий миг стекала на землю родниковой капелькой воды. А возможно ли было сохранить снежинку на многие-многие лета и зимы?! Навсегда?! Навечно?!» [2, 27]. Три риторических вопроса с восклицательным знаком, сравнение героини с хрупкой снежинкой предвещают недолговечность отношений героев.

Через два абзаца встречаются новые 15 строк, сфокусированные на зрительном восприятии мужчины, он наблюдает за движениями глаз возлюбленной. Женщина глазами показывала влюблённому свой город, взглядом очерчивала пространство. Будучи в мегаполисе, герой ощущает себя наедине с возлюбленной, не замечая окружающих: «И я спешил за Твоим взглядом, очерчивающим пространство вокруг нас. И этим пространством был весь мир, в котором нас было только двое.

Ты и я.

И больше никого.

И это была жизнь наедине с Тобой» [2, 27].

Описываемые события рассказа охватывают всего один день. Влюблённый ощущает быстротечность времени, он ценит каждый миг, проведённый с героиней, поэтому действия детализируются, повествователь стремится сохранить в памяти происходящее.

Герой восхищён возлюбленной, порой ему кажется, что она неземная: «Иногда мне казалось, что Ты идёшь не рядом со мной, а витаешь высоко-высоко в небесах, в мире грёз и мечтаний» [2, 13]. Данная метафора подчёркивает возвышенность героини. Финальным штрихом в создании образа возлюбленной становится сравнение её с «обворожительным совершенством мира» [2, 13].

Новое прочтение получает ещё один эпизод произведения. Описание осенней непогоды дополнено шестью предложениями: «Падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами. Прохожие, съёжившись, спешили по своим делам. Зябко, сыро. Но мне рядом с тобой было тепло. Никто ещё в этом мире не излучал такое тепло. Ровное, всепроникающее тепло. Оно согревало меня, стены домов, деревья, камень ближайших дворцов и храмов. Казалось, всю землю и небо» [2, 14]. На фоне осенней прохлады тепло, исходящее от возлюбленной, чувствуется острее. Повествователь ощущает, что героиня способна согреть не одного человека, а целый город, в котором мужчина чувствует себя счастливым.

Мотив тепла присутствует на протяжении всего рассказа, его интенсивность изменяется в элементах сюжета. Присутствие стихии огня в лирической прозе выполняет значимую функцию: наличие тепла, переходящего в испепеляющий огонь, свидетельствует об искренности чувств героя: «Странно, почему в тот наивысший миг счастья я не сгорел?! Почему я не превратился в пепел?!» [2, 13], огонь обладает способностью воспоминания: «Я горел в Твоём огне...

И эта огненная строчка всё вписала в мою память» [2, 14]. В произведениях Е.Д. Айпина, в которых герой занимает позицию возлюбленного, его чувства сопровождается холод: «Она сделала шаг в его сторону, вплотную приблизилась к нему – и в следующее мгновение он всем телом ощутил её трепетные губы. От неожиданности он слегка отпрянул назад и, чтобы удержать равновесие, двумя руками схватил её за тугий стан. Она, словно тростинка, прогнулась в талии. И он, ища более устойчивую опору, невольно повёл ладони рук вниз. И руки его опустились ниже пояса и коснулись запретного. Под ладонями он почувствовал две упруго пульсирующие живые чаши. Он знал, что при случайном прикосновении к этому женщина должна отпрянуть. Но тут она ещё сильнее прильнула к нему. И он застыл, будто оледенев, никак не отвечая на её поцелуй» [2, 197-198].

В новом прочтении рассказа встречается сравнение героини с Богиней, которое в раннем варианте текста отсутствует. Подобная параллель свидетельствует о более значимой роли возлюбленной для повествователя.

Следующий абзац в новом прочтении значительно отличается от прежнего. Первый вариант рассказа состоит из 12 строк, а поздний – из 20. Автор меняет местами строки в этом абзаце, дополняет текст новыми предложениями: «В зале я сидел слева от Тебя и слушал Твоё сердце. Его биение отзывалось во льдах и снегах моего Севера, и я улавливал эти милые отзвуки... Я чувствовал только Тебя. Ничего не скажу о Твоих глазах, о Твоих волосах, о Твоих губах, ибо до сих пор, до самого последнего мгновенья, никому не хочу отдавать Тебя. <...> Ты согревала Вселенную. Всю. Ты согревала и дом моего отца на далёком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню...

Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама Богиня?! Возможно ли такое?!» [2, 14]. В приведённых строках автор вновь обращается к воплощению мотива тепла,

исходящему от возлюбленной, писатель расширяет воздействие тепла, придаёт чувствам героя глубинный характер. В начале анализируемого абзаца герой чувствует отзвуки биения сердца героини во льдах и снегах на малой родине, ближе к завершению мысли повествователя, тепло героини незримо растопило льды и снега Севера.

Резюмируем: в позднем варианте текста, мощь и масштабность тепла героини увеличивается. Герой ощущает на себе её воздействие, затем чувствует, как согревается окружающее пространство, а далее влюблённый ощущает, как льды и снега на его родине превращаются в реки.

Время увядания природы предсказывает финал отношений героев, однако, несмотря на холод и сырость, царящие в пространстве произведения, автор параллельно создаёт иную реальность через чувства и ощущения героев. Тепло героини способно возродить весну на родине влюблённого. Восприятие тепла ассоциируется с категорией счастья:

«Я тихонько горел...

Я был счастлив» [2, 15].

Ощущение счастья влюблённым в текстах отличается. В раннем варианте упоминание о чувстве счастья героя встречается трижды: «Я был счастлив» [1, 170], «Я был очень счастлив» [1, 170], «И думал, что буду вечно счастливым рядом с Тобой» [1, 170], в позднем – в два раза больше: «Я был счастлив» [2, 12, 15], «Да, я был счастлив» [2, 12], «Я был невыразимо счастлив» [2, 15], «И думал, что буду вечно счастливым рядом с Тобой» [2, 15], «В кино я безошибочно нашёл место, где Ты сидела в тот счастливый осенний день» [2, 16]. В позднем варианте текста речь о чувстве счастья встречается с уточняющим наречием: «Я был *невыразимо* счастлив». Чувства повествователя настолько сильны, что нет слов, чтобы описать это состояние. Категория счастья в позднем варианте текста охарактеризована дополнительным эпитетом, который чётко предвещает расставание героев: «Хотя я и предчувствовал, что слишком большое и неожиданное счастье не может быть вечным и непоколебимым. Наоборот, оно очень хрупкое и *ранимое*» [2, 30].

Ощущения и чувства героя описаны детально в позднем варианте текста. Каждый эпизод проведённого дня героев дополнен и расширен. Описание подруги возлюбленной претерпело изменения: в первом варианте она «милая», в позднем – «тихая». Визуальное восприятие меняется на слуховое. Автор намеренно лишает периферийный

персонаж облика, чтобы сконцентрировать внимание на чувствах и ощущениях героя. Визуальное восприятие влюбленного занимает не первое место в тексте. Автор создаёт героев через эмоционально-чувственное восприятие.

В этом же абзаце присутствуют значимые различия, формирующие образ возлюбленной. Впервые встречается упоминание о том, что она не замужем: «Точнее, для меня была только Ты. Одна. Единственная. *Незабвенная, никому не принадлежащая...*» [2, 15]. В раннем варианте текста читаем: «При ней мы были вдвоём. Точнее, для меня была только Ты. Одна, единственная» [1, 170], слова «одна, единственная» объединены в одно предложение, а в позднем варианте прослеживается разбивка предложений, тем самым автор меняет смысловую нагрузку текста, подчёркивая значимость женщины в судьбе героя. Строка, появившаяся в позднем варианте текста, свидетельствует о незыблемости чувств героя к возлюбленной и дополняет скудный портрет героини важной деталью.

Е. Д. Айпин уточнил прежний вариант текста одного из абзацев: «И мы поехали к вам» [1, 170], в новом варианте он звучит иначе: «И мы поехали к *Тебе*» [2, 15]. Автор намеренно удаляет посторонних, сужает круг свидетелей, усиливает интимность происходящего. В этом же абзаце появляются строки, впервые упоминающие о чувствах героини: «*И я все ещё был переполнен счастьем. Мне было хорошо. И Тебе было хорошо. Нам было хорошо. И казалось, нам всегда будет хорошо*» [2, 15]. Кропотливая работа художника слова над текстом позволила создать более чувственный образ героя, углубить лиризм повествования.

Следующий за предшествующим абзац в новом варианте текста выглядит так: «*Странно, почему в тот наивысший миг счастья я не сгорел? Почему я не превратился в пепел?!*» [2, 15]. В раннем варианте текста данный абзац прозаик использовал в эпизоде, где герой вернулся в город возлюбленной в одиночку: «Город без Тебя стал пустым.

Город без Тебя стал мёртвым...

Странно, почему в тот наивысший миг счастья я не сгорел?! Почему я не превратился в пепел?!

Проходили Осени.

Проходили Зимы.

Проходили Лета.

Прошли годы» [1, 171].

Выделенные строки в данном эпизоде выглядят, как воспоминания о прошлом, наполненные

сожалением о несбывшемся. В новом прочтении два риторических вопроса использованы прозаиком при создании приватной, интимной атмосферы, демонстрирующие наивысший пик ощущения счастья героем.

Следующие три абзаца подчёркивают смысловую нагрузку, которую расширяет художник слова: «...А на другой день мы расстались.

Расстались навсегда.

Расстались» [1, 170]. Новый вариант текста выглядит следующим образом: «А *потом* мы расстались. *Думали – ненадолго.*

Оказалось – навсегда.

Расстались навсегда.

Расстались.

Разъехались» [2, 15].

Сравнивая выделенный фрагмент, видим, что три предложения являются принципиально новыми. В первом предложении слова *другой день* заменены на *потом*, конкретность заменяется на неопределённость, автор намеренно раздвигает временное пространство рассказа, растягивая его. Следующие два предложения «*Думали – ненадолго*», «*Оказалось – навсегда*», одно из которых выделено абзачным отступом, фиксирует важность происходящего. Следует также подчеркнуть особую форму глагола думать, в новом варианте текста герои вдвоём думали и мечтали о новой встрече, о совместном будущем. Наречия времени противопоставлены: *ненадолго – навсегда*, в новом варианте указание на несбыточность встречи подчёркнуто двукратным повтором слово *навсегда*. Появляется также в новом варианте глагол, выделенный отдельным абзацем – *разъехались*, который детализирует образ возлюбленной. Героиня не живёт в Своем городе постоянно.

Следующие абзацы текстов начинаются после пробельной строки. Автор визуально разделит пространство произведения на «до» и «после». Абзац начинается предложением в раннем рассказе: «Потом я *приезжал* в твой город» [1, 171], в позднем – «Потом я *приехал* в Твой город» [2, 15]. Глагол *приезжал* в раннем варианте текста указывает на повторяемость действий героя. Влюбленный не раз бывал в городе возлюбленной и проходил по значимым для него местам. В позднем варианте повторяемость действий уже отсутствует, автор ограничивается описанием единственного приезда героя.

Далее текст рассказа представляет собой воспоминание героя о проведенном дне с возлюбленной. Новый вариант текста дополнен целым

рядом зрительных образов: «*Удивительно чётко отпечатались на камне мостовых Твои следы. Я находил и всматривался в них необъяснимым внутренним зрением*» [2, 16]. Присутствуют и замены: в раннем варианте – «Слышал только твой голос. Вспоминал только твои слова. Улавливал запах твоих духов» [1, 171], в позднем – «Слышал только Твой *чудный* голос. Вспоминал только Твои слова. Улавливал запах *только* Твоих *волос*» [2, 16]. В двух вариантах встречается анафора: слово *только* употребляется в раннем варианте два раза, в позднем – три. В том же тексте встречается описание голоса героини – чудный, присутствует замена: запах духов меняется на запах волос. Запах искусственный меняется на естественный, почувствовать который возможно только при близком контакте. В следующей строке происходят стилистические замены, небрежность меняется на одухотворённость в восприятии героя: «*Иногда навязывались* искажённые пушкинские строки» [1, 171], в позднем: «*Порою наплывали* искажённые пушкинские строки» [2, 16].

Следующие абзацы свидетельствуют о новом осмыслении действительности героя без возлюбленной. Сравним: «Сожалел, что в кино не помню ряд и место, где Ты тогда сидела.

Город стал без Тебя пустым.

Город без Тебя стал мёртвым...» [1, 171], в позднем варианте читаем:

«Я снова в Твоём городе.

Город без Тебя опустел.

Город без Тебя осиротел.

Город без Тебя помертвел...» [2, 16].

Последний вариант текста более поэтизирован, чувственен, вместо двух строк автор создаёт четыре. Строки напоминают стихотворение по форме и содержанию. В строках присутствуют анадиплосис и анафоры, они усиливают внимание читателя на доминантах текста. Обращаем внимание на замену прилагательных на глаголы: пустым – опустел, мёртвым – помертвел. Приставки о- и по-, используемые с глаголами опустел, осиротел, помертвел, придают тексту более звучную и выразительную форму. Отсутствие возлюбленной герой воспринимает как смерть пространства, в котором влюблённые были счастливы. В строках фиксируется нарастающая безысходность: сперва город опустел, потом осиротел и затем уже помертвел. Строка «Город без Тебя осиротел» символизирует не просто потерю близкого родственника, а утрату родственной души.

Далее новый вариант текста дополнен тремя абзацами, состоящими из 54 предложений. Герой

отправляется в кинотеатр, в одиночестве он пытается вспомнить, испытать вновь прежние чувства. Здесь автор обратился к созданию мотива ожидания, в новом эпизоде глагол «ждал» встречается семь раз. В финале рассказа встречаются риторические вопросы повествователя, которые отличаются в вариантах текстов. В раннем варианте: «И я часто думаю, что было бы, если бы сейчас мы с Тобой вдруг встретились?! Что было бы? Что?!» [1, 171], в позднем: «И я часто думаю, что было бы, если бы *все сложилось по-иному и мы бы остались вместе?! Что было бы?! Что?! Как прошли бы мы вместе по жизненной тропе?!*» [2, 17]. Мысли героя более масштабны в позднем варианте произведения. Влюблённый задумывается об упущенной возможности в прошлом, задаётся вопросами о совместной жизни. Одновременно с этими размышлениями проскальзывает мысль о сложных и непреодолимых обстоятельствах, помешавших героям воссоединиться: «<...> если бы всё сложилось по-иному» [1, 18].

Обсуждение и заключение

Текстологический анализ рассказа «Осень в

Твоём городе» показал: ранний вариант текста меньше по объёму, образ главного героя принципиально отличается от позже созданного. Отличия проявляются в характере героя: в раннем варианте текста мужчина сдержан, скромн, его чувства скрыты, присутствует недосказанность. Не случайно в тексте имеется множество абзацев, состоящих из одного слова или предложения. Герой словно хочет сказать больше, но его что-то сдерживает. Поздний вариант текста более детализирован. Чувства героя более откровенны. Образ возлюбленной также отличается в анализируемых вариантах текстов. В рассказе редакции 1993 года героиня создана описательно: нет портрета, упоминания имени, отсутствует описание внешности. В варианте издания 2007 года упоминаются чувства героини, указано её незамужнее положение. В этом же варианте фиксируется внимание на мечтах героев о совместном будущем, что свидетельствует о взаимных чувствах влюбленных.

Выявленные разночтения свидетельствуют о движении авторской мысли, об эволюции лирических образов Е. Д. Айпина.

Список источников и литературы

1. Айпин Е. Д. Клятвopеступник. М.: Русло, 1993. 431 с.
2. Айпин Е. Д. Река-в-Январе. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. 208 с.
3. Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Река-в-Январе. СПб.: Амфора, 2014. 287 с.
4. Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Осень в Твоём городе. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2020. 344 с.
5. Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1937. № 2–3. С. 569–606.
6. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
7. Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. 200 с.
8. Корсакова Ю. С. О развитии текстологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 103–107.
9. Косинцева Е. В. Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 168 с.
10. Косинцева Е. В. Концепт «любовь» в лирике М. И. Новьохова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 672–678.
11. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006. 106 с.
12. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). М.; Л.: АН СССР, 1962. 605 с.
13. Омилянчук С. П. Текстология. М.: МГУП, 2002. 174 с.
14. Основы текстологии / под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 500 с.
15. Прохоров Е. И. Текстология: принципы издания классической литературы. М.: Высшая школа, 1966. 226 с.
16. Рейсер С. А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
17. Сязи В.Л. Художественная концепция любви в прозе Е. Д. Айпина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. 206 с.
18. Томашевский Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии. М.: Искусство, 1959. 282 с.
19. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даль URL: <https://dal.slovaronline.com> (дата обращения: 17.07.2021).
20. Толковый словарь русского языка: С. И. Ожегов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
21. I Listen to the Earth / Y. Aipin. Ohio: Northern University, 1995. 53 p.
22. Indianer Russlands: Die kleinen Volker des hohen Nordens und fernen Ostens der Russischen Föderation / Je. Aipin; übersetzt von A. Benedikter. Bozen: Gesellschaft für debrohte Völker, 1996. 107 p.
23. Szuzanya a veres havon / Je. Ajpin; fordította N. Katalin. Budapest: Magyar naplo, 2002. 206 p.

24. La Mere de Dieu dans les neiges de sang. Paris: Editions Paulsen, 2010. 327 p.
25. Божа Мати в кривавих снігах. Рівне: Азалія, 2011. 230 с.

References

1. Aypin Ye. D. *Kljatvoprestupnik* [The Oathbreaker]. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 431 p. (In Russian)
2. Aypin Ye. D. *Reka-v-Janvare* [The River-in-January]. Saint-Petersburg: Mirall Publ., 2007. 208 p. (In Russian)
3. Aypin Ye. D. *Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 3: Reka-v-Janvare* [Collected works: in 4 vol. Vol. 3: The River-in-January]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014. 287 p. (In Russian)
4. Aypin Ye. D. *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5: Osen' v Tvoem gorode* [Collected works: in 5 vol. Vol. 5: The Autumn in Your City]. Khanty-Mansiysk: Novosti Jugry Publ., 2020. 344 p. (In Russian)
5. Bondi S. M. *O chtenii rukopisej Pushkina* [About reading of Pushkin's manuscripts]. *Izvestija AN SSSR. Otdelenie obshhestvennyh nauk* [Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences], 1937, no. 2–3, pp. 569–606. (In Russian)
6. Vinokur G. O. *Filologicheskie issledovanija: lingvistika i pojetika* [Philological research: linguistics and poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 452 p. (In Russian)
7. Komarov S. A., Lagunova O. K. *Literatura sibirj: missija, jetnichnost, aksiologija* [Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology]. Tyumen: Izd-vo Tyum. gos. un-ta Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
8. Korsakova Yu. S. *O razvitii tekstologii* [About the development of textology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, no. 7 (18), part 1, pp. 103–107. (In Russian)
9. Kosintseva E. V. *Metatekst v hantyjskoj literature: urbanisticheskij kod* [Metatext in Khanty literature: the urban code]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2020. 168 p. (In Russian)
10. Kosintseva E. V. *Koncept «ljubov'» v lirike M. I. Nov'juhova* [The concept of love in the lyrics by M. I. Novjuchov]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 672–678. (In Russian)
11. Likhachev D. S. *Tekstologija: kratkij ocherk* [Textology: brief essay]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 106 p. (In Russian)
12. Likhachev D. S. *Tekstologija (na materiale russkoj literatury X–XVII vv.)* [Textology (on the material of Russian literature of the X–XVII centuries)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1962. 605 p. (In Russian)
13. Omilyanchuk S. P. *Tekstologija* [Textology]. Moscow: MGUP Publ., 2002. 174 p. (In Russian)
14. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of textology]. Ed. by V. S. Nechaeva. Moscow: AN SSSR Publ., 1961. 500 p. (In Russian)
15. Prokhorov E. I. *Tekstologija: principy izdaniya klassicheskoj literatury* [Textology: principles of publishing classical literature]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1966. 226 p. (In Russian)
16. Rejser S. A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of textology]. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1978. 176 p. (In Russian)
17. Syazi V. L. *Hudozhestvennaja koncepcija ljubvi v proze E. D. Ajpina* [The artistic concept of love in the prose by Ye. D. Aypin]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2018. 206 p. (In Russian)
18. Tomashevskij B. V. *Pisatel' i kniga: ocherk tekstologii* [The writer and the book: essay of textology]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1959. 282 p. (In Russian)
19. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka V. I. Dal'* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V. I. Dal]. Available at: <https://dal.slovaronline.com/38398-SMERT> (accessed: July 17, 2021). (In Russian)
20. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: Sergej Ivanovich Ozhegov* [Explanatory dictionary of the Russian language: Sergey Ivanovich Ozhegov]. Moscow: Mir i obrazovanie Publ., 2015. 1375 p. (In Russian)
21. *I Listen to the Earth*. Ye. Aypin. Ohio: Northern University, 1995. 53 p. (In English)
22. *Indianer Russlands: Die kleinen Volker des hohen Nordens und fernen Ostens der Russischen Föderation*. Je. Aypin; übersetzt von A. Benedikter. Bozen: Gesellschaft für debrohte Volker, 1996. 107 p. (In German)
23. *Szuzanya a veres havon*. Je. Ajpin; fordította N. Katalin. Budapest: Magyar naplo, 2002. 206 p. (In Hungarian)
24. *La Mere de Dieu dans les neiges de sang*. Paris: Editions Paulsen, 2010. 327 p. (In French)
25. *Божа Мати в кривавих снігах*. Рівне: Азалія, 2011. 230 с. (In Ukrainian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сязи Виктория Львовна, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), кандидат филологических наук.

syaziviktorya@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0003-1103-0435

ABOUT THE AUTHOR

Syazi Viktoria Lvovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Philological Sciences.

syaziviktorya@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0003-1103-0435